

THE FAMILY ARCHIVE OF
SERGEI ALEKSANDROVICH SHCHERBATOV

Paola Ferretti

A painter, a writer, a collector and a patron of arts, Sergei Aleksandrovich Shcherbatov (1874-1962) shared with his eighteenth-century renowned ancestor, Prince Mikhail Shcherbatov, a wide range of cultural interests and a strong inclination toward an enlightened form of conservatism.

He belonged to the generation of Russian aristocrats who left their homeland soon after the outbreak of October Revolution, never to return to it. Along with his wife, Polina Ivanovna Rozanova, and his daughter Valentina, Shcherbatov reached Istanbul and then lived in Nizza, at Villa Talbot, in Paris, Florence and finally Rome. There he spent a considerable part of his post-revolutionary life, and it was there that he died in 1962. He was buried in the Protestant Cemetery in Rome.

Shcherbatov's papers are not collected in a proper archive. His letters, his writings and paintings and all the other materials he left are preserved in private collections scattered among his descendants.¹ A close examination of Shcherbatov's family archive could shed new light on his biography and the whole of his *oeuvre*, which certainly deserves more attention than it has received until now.

1. Shcherbatov's life before the Revolution followed a somewhat unusual path. Born in Moscow on 19 July 1874 into a noble and ancient family whose story was deeply connected with the more general history of Moscow and of Russia it-

¹ The letters published below and other materials concerning Shcherbatov belong now to a granddaughter of Shcherbatov, Assia Wolodimeroff, with whose kind permission I make use of them. I am also grateful to Ingrid Wolodimeroff, the second wife of Shcherbatov's nephew Sergio, for providing firsthand information about the family. Special thanks are due to Andrei Shishkin, who first drew my attention on Shcherbatov's life and work.

self, at a very early age Prince Shcherbatov took the decision to devote his life to art. His wish to become a professional painter conflicted with the expectations associated with the aristocratic environment from which he came, and to his great regret he had to postpone it to a more mature age.²

Only after having completed his studies at the University of Moscow, in the faculty of History and Philology, Shcherbatov could attend, during the nineties, the school of art led in Moscow by Leonid Pasternak. Although he was initially regarded as an intruder in the artistic circles of his time, Shcherbatov managed nevertheless in the subsequent years to give full expression to his talent and sensibility for art, producing more than one hundred works, including paintings, drawings and engravings.

He spent a period of time in München, where he came into contact with the movement of “Der Blauer Reiter”. In 1900 he was in Paris, where he was deeply influenced by the experience of French Impressionism. His paintings *Golova starika* and *Krasnaia gostinaia* were presented at the exhibition of Mir Iskusstva of 1899.³ We also have notice of exhibitions of his works in Paris.⁴

Shcherbatov’s passion for art found a further expression in *metsenatstvo*. His privileged social position and his large financial possibilities allowed him to develop an intense and generous activity in support of other artists, movements and initiatives which flourished during the first decade of the nineteenth century in Russia.

In his sumptuous house on the Novinskii boulevard, in Moscow, built in 1913 by the architect A. I. Tamanov on a plan conceived by Shcherbatov himself, he collected a number of paintings, engravings, statues and various other works of art. He intended to convert his elegant private house into a sort of “palace of art”, an artistic centre conceived for the benefit of the entire Russian society.⁵ He devoted most of its space to galleries for exhibitions and reserved for himself only the upper, fifth floor.

² The most valuable source of information about Shcherbatov’s life is represented by his autobiographical book *Khudozhnik v ushedshei Rossii*, published in New York in 1955. Other information is provided by manuscript articles held in the family archive.

³ Information on Shcherbatov’s activity as a pre-revolutionary artist is to be found in O. L. Leikind, K. V. Makhrov, D. Ia. Severiukhin, *Khudozhniki russkogo zarubezh’ia (1917-1939). Biograficheskii slovar’*, SPb. 1999. It must be noted that the entry on Shcherbatov, although updated if compared with its previous version (appeared in D. Ia. Severiukhin, O. L. Leikind, *Khudozhniki russkoi emigratsii (1917-1941)*, SPb. 1994), still contains wrong pieces of information. It assumes, for example, that Shcherbatov moved to Rome in 1953, whereas we know that he began to live there much earlier (his first Roman letter to Viacheslav Ivanov brings the date “15 August 1939”).

⁴ On the nature of his paintings and drawings, see S. Trubetskaia, *Kniaz’ Sergei Aleksandrovich Shcherbatov*, manuscript held by Assia Wolodimeroff.

⁵ A. Frolov, *S. A. Shcherbatov i ego ‘Khrām muz’*//*Nashe Nasledie*, 43-44, 1997, pp. 137-143.

In 1918, after Shcherbatov's departure abroad, his palace was expropriated and underwent a destiny common to many other monuments of pre-revolutionary Russia: first devastated and plundered, it was then abandoned, and deteriorated. It was only recently restored, but never returned to the function originally imagined for it by Shcherbatov.

Shcherbatov's genuinely conservative views on life and society, and his elitarian conceptions on art, which he never rejected during his entire life, became deeply consolidated after his departure from Russia. His life abroad was characterized by a difficult integration into the various Russian colonies established in the main European cities, and punctuated by periodical disillusionments in connection with his efforts to create a powerful pressure group capable of influencing politics on a European level. His idea of editing a bilingual periodical named *Caveant consules*, on the model of the *Zwanglose Hefte*, in which artists had to raise their voices against the fall of art in contemporary Russia, never came into being.

In Rome the Shcherbatovs lived in a house in Via Antonio Musa, undoubtedly modest if compared with the splendid palace in Moscow, nonetheless respectable, where the not particularly frequent visitors had the impression of finding themselves in a picturesque corner of old Russia.⁶ Shcherbatov's wife, Polina Ivanovna, was told to be able to tell fortunes, and in Rome she exercised her talent for *providenie* on an almost professional level.⁷

During the period he spent in Italy Shcherbatov established a particularly fruitful relationship with Viacheslav Ivanov, who had left Russia in 1924.

The intellectual friendship between these two men of letters is witnessed by a group of letters written by Shcherbatov to the celebrated poet during the late

⁶ "A Roma, al pianterreno di un villinetto nei paraggi di via Nomentana (...) abita da molti anni una vecchia coppia che attira l'attenzione dei passanti per il suo aspetto distinto e originale. Lei, una vecchia signora dal portamento eretto, mostra tracce di una grande bellezza nei tratti classici, negli occhi lampeggianti sotto l'arco regolare delle sopracciglia e i capelli bianchissimi. Il marito, di statura colossale nonostante gli anni gli hanno incurvato le spalle, è una figura inconfondibile di gran signore russo, appartenente a una razza perduta, scomparsa con l'avvento della rivoluzione comunista nel suo paese. I due vivono tra cani, gatti e canarini in tre modeste stanzette letteralmente tappezzate di quadri, ritratti, paesaggi, nature morte" (F. Tarquini Caprino, *Un principe pittore // Il Secolo d'Italia*, 9-XII-1955).

⁷ In Shcherbatov's words: "Она гадалка. У нее с детства был особый дар провидения. Своим братьям, например, она всегда говорила, какие билеты им достанутся на экзаменах... И вот этим она нас тут и вывезла. Она иной раз просто посмотрит на человека и может предсказать ему его будущее" (V. Kovarskaia, *V gostiakh u kn. S. A. Shcherbatov*, cutting from *Novoe russkoe slovo* with no date, held in the family archive). See also G. Vasil'chikov, *Diadia Serezha // Nashe Nasledie*, 43-44, 1997, p. 153, in which we find reference to an episode concerning the wife of King Umberto II, Maria José, who asked Polina Ivanovna to tell her her future.

thirties and the forties.⁸ Although Ivanov's side of the correspondence does not appear to have survived, those letters provide fresh insight into aesthetic, literary and philosophical conversations of the two Russian intellectuals, if not into their Roman *byt*. Shcherbatov held in great consideration the Symbolist poet, to whom he sent verses, memories of the past and reflections of his own experiences from his contact with Italian culture.

Alongside his activity as a painter,⁹ in Italy Shcherbatov continued in fact to cultivate his passion for writing. One of his Russian biographers lists among his works a series of *povesti* and tales, a "psychological novel", a number of poems.¹⁰ In the family archive is held a hand-bound small book, entitled *Bezplodnyi sputnik. Fantasticheskaia poema*, which apparently remained unpublished.

Shcherbatov worked sporadically as an art critic for various periodicals edited by Russian émigrées. In 1938 his article entitled *Moskovskie metsenaty* appeared in issue n. 67 of *Sovremennye zapiski*, one of the most important journals which came out in Paris. The theme of the decadence of art was permanently at the centre of his attention, and found reflection in a number of writings. His essay entitled *Krizis iskusstva* appeared in *Put'* (1934, n. 45).¹¹ He contributed to *Vozrozhdenie*, also published in Paris, through a series of articles from 1951 to 1953,¹² which appeared under the title *Russkie khudozhniki*. His notes on *Napravlennost' iskusstv Evropy* were published in *Russkaia mysl'*.¹³

Another article entitled *Iskusstvo Peterburga* is located in the family archive; focused on the subject of *Mir Iskusstva*, it does not appear to have been published.

⁸ The six letters addressed to Ivanov (dated 15 August 1939, 24 August 1939, 15 April 1949, 4 May 1949, no date, 1949) are held in Ivanov's archive in Rome.

⁹ Unfortunately only a small group of paintings survived. Most of them were destroyed, others were sold to private collectors.

¹⁰ Trubetskaia (*op. cit.*) wrote: "Написан им также ряд повестей и рассказов (составляющих циклы *Психологические этюды*, *Гримасы жизни*), психологический роман из французской жизни, ряд стихотворений... В силу обстоятельств в печати ничто не появилось, кроме небольшого отрывка из книги *Одна жизнь с искусством* в *Современных Записках*, много лет тому назад. Это была глава о Московских меценатах".

¹¹ It was not his first article appeared in *Put'*: the frontispiece of n. 45 lists Prince Shcherbatov among the contributors to previous issues.

¹² See L. A. Foster, *Bibliography of Russian Emigré Literature. 1918-1968*, Boston (Mass.) 1970, vol II.

¹³ Especially conceived for that émigrée periodical, they appeared in 1960 with the following specific titles: *Drevneishaia mudrost'. Gete* (n. 1581), *Iskusstva primitivnykh obitatelei Evropy* (n. 1582), *Napravlennost' iskusstva Gretsii* (n. 1584), *Napravlennost' iskusstva ital'ianskogo Vozrozhdeniia* (n. 1586), *Napravlennost' iskusstva Frantsii* (n. 1587-1589), *Napravlennost' iskusstva Germanii i Flandrii* (n. 1592), *Napravlennost' iskusstva Rossii* (n. 1595-1596), *Nashe vremia* (n. 1597).

2. If the name of Shcherbatov was not totally consigned to oblivion, it was doubtless due to his talent as a writer, rather than as a painter. His book *Khudozhnik v ushedshei Rossii*, which appeared in 1955 in New York and was recently republished in Russia,¹⁴ still remains an important cultural event.

Not strictly an autobiography, Shcherbatov's book is particularly rich in providing information about the main Russian patrons of art of the beginning of the Nineteenth century (among them Nikolai Riabushinskii, Savva Morozov, Pavel Kharitonenko, Savva Mamontov). It also presents a gallery of picturesque portraits of the most significant artists of the same period. The description of Leonid Bakst, Aleksandr Benua, Mikhail Vrubel', lively merges with the discussion about Russian icons, Italian and French art, or with the detailed examination of single paintings. The book ends with Shcherbatov's departure from Russia.

The émigrée press of the fifties was not short of reviews of Shcherbatov's book; a representative portion of them was proudly collected by the author himself and jealously kept in the family archive by his descendants.

As the author of *Khudozhnik v ushedshei Rossii*, Shcherbatov was praised as a "paladin krasoty",¹⁵ and his book described as an "izumitel'naia kniga: podlinno vdokhnovennaia, polnaia vkusa i bleska".¹⁶

Favourable echoes of his book appeared also in *Russkaia mysl'*,¹⁷ in minor periodicals and in the Italian press of conservative orientation.¹⁸

¹⁴ S. A. Shcherbatov, *Khudozhnik v ushedshei Rossii*, New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1955; a republication of *Khudozhnik v ushedshei Rossii* appeared in Moscow in 2000 for the publisher Soglasie, integrated with a rich apparatus of notes and several photographic illustrations, and followed by an insightful article by Tat'iana Dudina.

¹⁵ B. Shiriaev, *Paladin Krasoty*, cutting from *Russkoe voskresenie*, 1955, held in the family archive, without indication of issue. Shiriaev published in *Nasha strana*, n. 318, another review of Shcherbatov's book, under the title *Riurikovoi krovi khudozhnik*. With the initials "B.Sh." is signed a further enthusiastic review appeared in *Znamia Rossii*, 6 January 1956, in which the author suggests for the book the definition of "philosophical treatment of Russian art".

¹⁶ Nikolai Arsen'ev, *Kniga o krasote*, cutting with no date from *Novoe russkoe slovo*, held in the family archive.

¹⁷ P. Pascal, *Khudozhnik v ushedshei Rossii* // *Russkaia mysl'*, 832, 1955; P. K., *Po povodu knigi kn. S. A. Shcherbatova*, *Russkaia mysl'*, 1956 (4 Febr).

¹⁸ A short review of Shcherbatov's book was published in July 1956 in the *Knizhnaia polka* section of the periodical *Chasovoi* (n. 361). It was also signed with the only initials by Boris Shiriaev, and attempted to conjugate the appraisal of the book published in New York with an emphasized mention of the "Russian" features of its emigree author. Shcherbatov is described as a "крупный русский художник, пано которого украшает и теперь стену Казанского вокзала в Москве". About the book we read that "в целом возникает сложная картина художественной жизни всей России того времени, набрасывая которую автор книги высказывает себя не только глубоким знатоком и внимательным исследователем искусства, но и ярким русским националистом, безмерно любящим свою родину, свой народ, верящим в его силы, несмотря на по-

Only the author of the book was not definitely satisfied with the publication. It was Shcherbatov himself who first mentioned the enigma contained in the New York edition. In the epilogue of the book he expressed regret on the fact that the original manuscript had to be heavily cut:

По техническим соображениям, текст этой рукописи было необходимо подвергнуть сокращениям. Я хочу объяснить читателям, как эти сокращения изменяют мой первоначальный замысел дать в широком масштабе ‘одну жизнь с искусством’ с соответствующим заглавием, теперь, в связи с сокращением текста, измененным.

Не останавливаясь на сокращениях, касающихся многих моих мыслей и рассуждений, я отмечу только два из них: одно из них касается моей интенсивной общественной деятельности в России во время Первой мировой войны и после революции – в Париже; второе – это моя жизнь в Италии и дружба с замечательным русским человеком Н. Лоховым <...>.

Хочу сказать также, какую огромную роль в моей жизни сыграло пребывание в Италии, которой я посвятил немало страниц, не вошедших в эту книгу.¹⁹

In 1955, after having read *Khudozhnik v ushedshei Rossii*, Fedor Stepun wrote a rapturous review, a copy of which he sent personally to Shcherbatov. Stepun’s review emphasized the two main features characterizing the book and its author: a “podlinnyi konservatizm” and an “iskliuchitel’naia russkost”.²⁰

The Prince felt obliged to reply expressing his gratitude, which gave rise to a short exchange of letters. These three letters represent an interesting contribution to our understanding of the position of the two Russian intellectuals after a few decades of their life in emigration. As they are also particularly relevant in establishing the truth about the editorial story of Shcherbatov’s book, their text is reproduced below.²¹

стигшие его тяжкие испытания”. Cp. Tarquini Caprino, *Un principe pittore*: “Il libro di Scherbatov, scritto con pacata obbiettività, è una miniera preziosa di informazioni per chi voglia crearsi una visione equilibrata della vita artistica nella Russia di ieri”.

¹⁹ Shcherbatov, *Khudozhnik v ushedshei Rossii*, p. 407.

²⁰ F. Stepun, *Kniaz’ Sergei Shcherbatov. Khudozhnik v ushedshei Rossii // Opyty*, 6, 1956.

²¹ Stepun’s letter is held in Assia Wolodimeroff’s archive, the two letters sent by Shcherbatov are located in the Beinecke Library of Yale, and were sent to me by Robert Bird, to whom I express my gratitude. When transcribing his letters, in a few cases it was necessary to emendate the original text.

19. II. 1956 Рим

Многоуважаемый Федор Августович

Очень меня порадовал углубленный, и чуткий подход в вашей рецензии моей книги, и выражаю вам мою большую благодарность, целый ряд откликов на нее и несомненно проявленный к ней интерес до известной степени утоляют мне причиненную боль чеховским издательством, безъядным хирургическим ножом внесшим большие сокращения, засушившего <sic!> фразы, и наконец взмахом топора отрезавшего <sic!> *половину* моего текста! Гораздо более широкого охвата! Все мои мысли и переживания в Италии столь много мне давшей! О живописи *вообще*, о смерти ныне искусства, все это вон! Из-за проклятого “прокрустова ложа” одного тома, как это автору больно!

В связи с этим первоначальное заглавие текста *одна жизнь с искусством* пришлось изменить, раз все сосредоточилось на России.

Сказанное очень отозвалось и на столь вами углубленно затронутой теме о *ретрограде* и *консерватизме*, и в моем оригинале вы бы нашли *яркое подтверждение* того, что в первом я не грешен. В вступлении я указал, что художник не в праве забывать и иные обязанности по отношению к родине. Временно по горло погрузившись в политическую проблему, как эмиграция должна подготовиться к могущему совершиться перелому в России (о чем я и оптимисты в свое время мечтали), я засел за разработку обширной записки озаглавленной “Лига эмиграции”. В основе проводилась идея *не ломиться* со своими платформами, пока необходимый этап диктатуры не приведет в порядок наш отчий дом с интегральной его разрухой, сначала учуять психологию народной массы после кризиса. Не вхожу в детали, образовался комитет наиболее широко смотрящих на задачу и к записке отнесшихся с вниманием и интересом, составила делегация со мной в Париже. Там наши *зубры*, узкие фанатики, ярые монархисты, Трепов, Марков, второй раз свирепели на такой “либерализм” и на эмигрантском съезде все погубили! Это было нестерпимо! Т. к. всякое ретроградство “смерти подобно”. Все это вошло в “*одна жизнь с искусством*” как отвлечение от последнего другим призывом совести и долга. Было и другое отвлечение от палитры, идея выпуска цванглозе хефте на трех языках, брошюры с отчетом, что за известные сроки загублено было на родине на разных планах, включая ценнейшие памятники старины, монастыри, церкви, здания, к этому проекту примкнули П. Б. Струве, Бернацкий, были бы втянуты и представители духовенства и *все знатоки* из художественного мира. Это была *не утопия*, а получило реальную основу с моей удачей с “*Коти*” (миллионер, знаменитые духи), расположенный очень к России. Он мне *обещал на свои средства* оплачивать тетради, но при условии, чтобы *первая* была выпущена на русские деньги, прибавив с улыбкой “как

бы вы только не перессорились! Вы русские на это мастера”. *Все перессорились* и Карташев в длинном сочувственном письме мне излил всю безнадежность найти согласие в эмиграции, и как было стыдно! С жертвователем на это полезное дело *Коту!* Тогда я на все от искусства отвлекающее *плюнул* с горечью. Умоляю не заподозрить меня в какой-либо хвастливости, на это я не способен! С этими погребенными в силу тупости инициативами, но этой тупостью у нас как и бесталантливостью отмечена наша косность *махровая у ретроградов* в политике антиталантливых, в этом весь ужас застоя, и бурливости с другой стороны. Видя в вас созвучность, я осмелился с вами поделиться на эту тему, рискуя отнять у вас время чтением этих полной горечи строк, с вами талантом одаренным.

Еще раз спасибо за вашу реакцию на книгу. Не знаю куда обратиться для высылки шестого номера “Опытов”²² и как расплатиться, куда посылать наложенным. Тут нельзя, увы.

искренне уважающий Вас Кн. С. Щербатов

5A Via Antonio Musa

Stepun wrote in reply a warm letter, in which the polemical remarks about “conservatism” and “reactionarism” are given a different context, and in which the “transformation of the two volumes in one” is paid due, sympathetic consideration.

25. 3. 56 г. Мюнхен

Многоуважаемый князь,

большое спасибо за Ваше письмо. Очень рад, что мой отзыв о Вашей книге заслужил Ваше одобрение. По той же причине, по которой Вам не удалось высказать в Вашей книге все, что было Вами продумано и прочувствовано, не удалось и мне сказать в своей рецензии все то, что возникло во мне при чтении Ваших размышлений и воспоминаний. Редакция “Опытов” просила меня ограничиться определенным количеством строк или же написать вместо рецензии статью с упоминанием Вашей книги, а также и некоторых других. Предлагалось ввести в статью и отклик на книгу Бурышкина о московском купечестве. Я предпочел написать рецензию, чем такую статью.

Поверьте, что я горячо сочувствую Вам в связи с превращением двух томов в один. Со мною обошлись мягче. Мне было предложено сократить мои воспоминания на 140 страниц, так как каждый том не должен был превышать 412 страниц. Жалея и себя и Вас, все же не могу не быть благодар-

²² *Оруту*, a periodical published in New York (1953-1958).

ным американцам за то, что они напечатали большое количество русских книг. Если бы не было Чеховского Издательства, нам пришлось бы надеяться на то, что наши книги выйдут в России не только после нашей смерти, но и после смерти большевизма. Последнего, вероятно, придется ждать еще довольно долго, хотя, при удачном стечении обстоятельств, все может рухнуть скорее, чем мы того в праве ждать.

Вопрос о консерватизме меня очень давно интересует и глубоко волнует. Вся история мне все больше представляется борьбой революционеров с революционерами. Если позволите, так сказать, мертворожденных детей с выкидышками. Может быть все несчастье русской истории последних столетий объясняется явным отсутствием живой консервативной партии и консервативных деятелей. Этим отсутствием объясняется не только провал Вашей идеи о выпуске Ваших периодических тетрадей, но и провал здорового развития России. Конечно, у нас были и консерваторы, братья Трубецкие, граф Гейден и еще целый ряд других деятелей. Но все это провалилось в тот провал, который разверзся между Треповым, Марковым, Пуришкевичем с одной стороны и радикалами всех сортов о оттенков, начиная от Милюкова с Родичевым и кончая Лениным. Мережковский называл эту структуру русского сознания – апологией полярностей, не чувствуя, что этою чертой определяется не русская правда, а русский грех. Подлинная правда России не в поединке крайностей, а в синтетической трезвости, очень, конечно, далекой от буржуазной трезвости Запада.

Если я не ошибаюсь, Вы одно время жили в Мюнхене. Если не ошибаюсь, с Вами был знаком мой большой друг Габричевский. Я и раньше проездом бывал в Мюнхене, а начиная с 45 года постоянно живу в нем. Быть может мы могли бы с Вами и познакомиться. Если я упустил эту возможность, то очень жалею об этом. Могли бы мы познакомиться и в Москве, в которую я вернулся из Гейдельберга, где окончил философский факультет и прожил до начала войны, на которую был сразу призван. Читая Ваши воспоминания, я спрашивал себя, не ошибаюсь ли я в том, что художник Головин жил в Москве на Кудринской Садовой в доме Найденова, там же, где жил и Григорий Алексеевич Рачинский. Ваш дом мы с женой, Натальей Николаевной очень хорошо знаем, так как часто бывали у Алексея Николаевича Толстого, живописную утробность которого я все еще продолжаю любить, не смотря на то, что хорошо знаю все его и прирожденные и благоприобретенные скверности.

№ 6 “Опытов” уже верстается. Вчера я получил корректуру моей, входящей в нем, статьи и рецензии о Вашей книге. Я напишу в редакцию Опытов и попрошу, чтобы этот № был Вам выслан сразу же по его выходе. Может быть Вас заинтересует и моя статья, близкая Вам по теме “Искусство и современность”. Надеюсь, что Вы разрешите мне приподнести Вам этот №

в качестве оттистка моей статьи. Отдельных оттистков журнал не дает, почему я всегда и прибегаю к такому способу.

Примите уверение в искреннем уважении.

Сердечный привет. Ваш Федор Степун

To this letter of Stepun Shcherbatov replied on a different tone:

19. VIII. 1956 Рим
5A Via Antonio Musa

Глубокоуважаемый Федор Августович,

вчера в 10 часов вечера *пятого* сентября М. В. Сустер привезла мне врученную Вами для передачи мне номер “Опыты”. О данном Вами поручении она “совсем забыла”, схоронив журнал на дне сундука. Подобной забывчивостью она меня пред Вами поставила в более чем неловкое положение! И могла вызвать обвинение меня в грубой некорректности, которой я никогда в жизни не грешил. Сегодня *немедленно* в первый утренний час спешу, пояснив этот весьма для меня неприятный случай, выразить Вам мою глубочайшую благодарность за ценный Ваш для меня подарок с Вашей подписью. Он меня *очень* тронул, такой глубокий разбор моей книги, как и ряд других рецензий, являются для меня неким утешением в горе от безбожных сокращений моего текста, изъятия из его “теста” разных “изюминок”, которые я люблю вставлять, уже не говоря об отрубленном топором всего, что касается моих переживаний, и мыслей в Италии, Испании, и Франции, особенно горько все, что касается Италии (часть думаю удачная), проклятое “прокрустово ложе” тома!!

Мне очень ценно что Вы меня очень *поняли* и тонкость Вашей психологии более глубока, чем в других статьях кроме Пр. Арсеньева с Вашей отчасти соприродной. Ну что тут плакать! Чудом выскочил перед крушением Чеховского Издательства. Куда теперь нашему брату обращаться? *Это трагедия!* Все мои писания и психологические, думаю своеобразные, повести и все стихотворения присуждены спать на погосте, включая немецкие, а этот язык я знаю хорошо.

“Смирись гордый человек”.

Слово Мюнхен вызывает у меня чувство ностальгии, сколько воспоминаний юности!

Знаю, что Вы навещали Рим и очень надеюсь, что Ваш наезд повторится и мне было бы так ценно и интересно с Вами познакомиться, с кончины Вячеслава Иванова “беседовать” мне тут невозможно кроме изредка с О. Шор. У нее я выпросил для чтения ваш своеобразный роман (переписка) ме-

ня живо заинтересовавший. В данное время снова ушел я в живопись, хочу закончить все написанное и в том единственное столь мне нужное забвение. С повторной большой благодарностью прошу Вас принять мое чувство глубокого уважения

Кн. Сергей Щербатов.

The second, “Italian” section of *Khudozhnik v ushedshei Rossii* could not be restored in the recent Russian republication of the book.

It does not appear to have survived. It is certainly missing among the Roman papers, and Shcherbatov’s descendants, who are of Italian culture, are not aware of its existence.²³

Was the missing part of the book effectively omitted for “tekhnicheskie soobrazheniia”? Could the author destroy a manuscript to which he attributed such an important role in his career as a writer? Perhaps a careful search among the papers of the archive of Chekhov publishers²⁴ would be fruitful, in this respect.

If the question of the present existence of part II of Shcherbatov’s book cannot be given a certain answer, the letters reproduced above reinforce our belief that it was definitely written by him.

Besides, an article entitled *Florentsiia. Lokhov* appeared posthumously in a periodical edited in New York, *Novyi Zhurnal*.²⁵ It appears to be the only fragment of part II of *Khudozhnik v ushedshei Rossii* which was ever published, and a significant evidence of its existence. In it Shcherbatov shows a sort of veneration for Italy, which is considered by the author as absolutely “necessary for the soul”, particularly for the Russian one.

To establish the location of the “Italian” section and to make it known alongside the “Russian” one could be particularly fruitful. We could be able not only to ascertain precise biographical information on the Prince himself in Italy, but also to restore an account of Russian life in emigration at the contact with Italian culture and art.

²³ Georgii Vasil’chikov is convinced, as he said to me in a conversation, that part II of the book was never written by Shcherbatov. There is no mention of the unpublished part in the recent Russian republication of his book.

²⁴ Its materials are now scattered in different archives, including the Bakhmet’ev Archive (New York), the Archive of the University of Illinois (Urbana, Champaigne) and the Archive of the University of Minnesota (Minneapolis).

²⁵ *Novyi Zhurnal*, 74, 1963. It was first quoted among Shcherbatov’s writings in *L’émigration russe. Revues et recueils, 1920-1980. Index général des articles*, Paris 1988.